УДК 811.111’27

МОДЕРАЦИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Кишко С.Н., аспирант

Горловский государственный педагогический институт иностранных языков (ГГПИИЯ)

Модерация – одна из антропоцентричных категорий языка, которая имеет статус самостоятельной функционально-семантической категории в современном английском языке. Она соотносится с такими понятиями, как “оценочная модальность”, “языковая картина мира”, “прагматика” и имеет статус метаоценки.

Ключевые слова*: модерация, точка зрения, аппроксимаччя, недооценка, поглотитель шока.*

Кішко С.М. МОДЕРАЦІЯ ЯК РІЗНОВИД ОЦІНКИ В СУЧАСНІЙ АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ/ Горлівський державний педагогічний інститут іноземних мов, Україна

Модерація – одна з найважливіших антропоцентричних категорій мови, яка має статус самостійної функціонально-семантичної категорії в сучасній англійській мові. Вона співвідноситься з такими поняттями, як *мовна картина світу, оціночна модальність, прагматика* і має характер метаоцінки.

Ключові слова: *модерація, точка зору, апроксимація, недооцінка, поглинач шоку.*

Kishko S.M. MODERATION AS A KIND OF EVALUATION IN MODERN ENGLISH / Horlivka teachers’ training Institute of foreign languages, Ukraine

Moderation is an antropocentric category possessing the status of a functional-semantic category in modern English.

Key words: moderation, view point, approximation, understatement, shock-absorber.

Модерация в современном английском языке является функционально-семантической категорией, формы которой отмечены как антропогенные элементы языка в его строе и семантике, в процессах формирования номинации и предикации, в постулатах речевого общения.

Семантическое ядро модерации, как мы уже указывали ранее, заключается в намеренном отказе от вынесения категоричных суждений в рамках более широкой категории оценки [1, 133]. На наш взгляд, модерация как субкатегория оценки может рассматриваться двупланово: как категория логики и как лингвистическая категория.

В традиционной логике модерация противопоставляется категорическим суждениям [2, 76], в которых предикат утверждается или отрицается при исключении каких-либо альтернатив. А в логической концепции Л.Заде, на которую ссылается в одной из своих работ Дж. Лакофф, модерация соотносится с лингвистической переменной (fuzzy set) в том смысле, что как модерация, так и лингвистическая переменная не вписываются в двухместную логику, поскольку охватывают не только ложь и истину, но и разнообразные градации типа «скорее ложно, чем истинно», «до некоторой степени истинно». Как известно, Дж. Лакофф проанализировал ситуации градуированной оценки истины с помощью метода «степени принадлежности элемента к множеству» (memberhip degree). Делалось это на примерах типа «То, что курица – птица, ближе к истине, чем ко лжи» [3, 458].

Как лингвистическая категория модерация характеризуется, во-первых, универсальностью смысла, общего для многих языков, например, приблизительная номинация, риторика хезитации, стилистика и социолингвистика речевого поведения, и, во-вторых, идиоэтничностью интерпретационного компонента. Каждый язык имеет в своем арсенале языковые средства манифестации модерации, но не в каждом языке универсальность смысла подтверждается категориальным статусом.

Связь между оценкой и модерацией осуществляется через участие последней в квалификативной структуре высказывания. Такая связь, на наш взгляд, способствует выполнению указательно-дейктической и субъективно-оценочной функции. Модерация характеризуется признаками как абсолютной оценки (хорошо, плохо), так и сравнительной (лучше, хуже, равноценно, предпочитается). Но если основная сфера значений суперкатегории оценки связана с признаками «хорошо-плохо», то сфера значений модерации обусловлена рядом специфических факторов содержания и условия общения, то есть возникает из прагматического компонента среды, фиксируясь в системе языка.

Учитывая тот факт, что оценка является особого рода отношением говорящего к номинации, мы рассматриваем модерацию как своего рода точку зрения на действительность. Она полностью включена

в аксиологическую точку зрения, поскольку в конечном итоге зависит от текстовых парадигм. Сравним следующие примеры:

1) *What a **lovely** thing!* 2) - *What a **lovely** thing!*

***- Super**!*

Контекстуальное окружение интенсификатора *lovely* в указанных примерах является различным, в результате чего в примере 1 наблюдается процесс интенсификации, а в примере 2, в котором выражена градация признака, - процесс модерации.

Как известно, словосочетание «точка зрения» представляет собой детерминологизированную лексическую единицу общелитературного регистра [4, 5]. В научный обиход понятие «точка зрения» введено пионерскими работа М.М.Бахтина, В.М.Волошинова, В.В.Виноградова, Г.А.Гуковского прежде всего в значении композиционно-текстовом (повествовательные позиции в системе «автор – рассказчик – персонаж – читатель»). В то же время американские семантики и синтактики С.Куно и У.Чейф понимают «точку зрения» как один из ряда статусов высказывания, обеспечивающих ему такую «упаковку», которая настраивает коммуникатора на состояние реципиента и тем самым обеспечивает успех акта общения, опираясь на оптимальную для адресата «эмпатию», то есть способность одного человека стать на точку зрения другого.

На наш взгляд, точка зрения – это своего рода средство построения языковой «картины мира». Такое понимание соответствует инструментально-интерпретационной роли языка. Модерация является одной из тех категорий, которая участвует в интерпретации мира и тесно связывает пространственно-временные (хронотопные) и оценочные характеристики. Модерация как средство построения «картины мира», имеет много аспектов и уровней, а также отличается разномасштабностью проявлений.

Как известно, раздвоение координат дейксиса на хронотопные системы имеет большое значение для формирования оценочных позиций точки зрения, ибо «человек аксиологически маркирует объекты внешнего мира, входящие в круг его вращения» [5, 84]. Членение универсума на «свой-чужой» есть семиологический принцип, восходящий к глубокой древности и потому аксиологически релевантный [6]. Главное здесь заключается в единстве дейксиса и оценки именно в том, что мир близости либо маркируется положительно, либо как норма остается немаркированным. А «чужой мир», мир иноплеменных обрядов и обычаев, вызывает сначала первобытный ужас и страх, а затем отрицательные оценочные эмоции и состояния, фиксируемые в языковом знаке. Недаром, иллюстрируя распределение противоположных оценок между обоими мирами, И.В.Арнольд приводит шутливую парадигму Бритты Чарльстон: *Я тверд – Ты упрям – Он твердолоб = I am firm – You are obstinate – He is pigheaded* [7,109]. Пример хорошо показывает направление «вектора» оценки по мере удаления от «своего мира». На этой основе, например, и удалось выявить в современном русском языке семантическую категорию «чуждости» [8], в английском – категорию «модерации».

С точки зрения хронотопно-аксиологической позиции измерения системы «человек – язык – среда» модерация является по сути остранением и от «своего» и от «чужого» мира. Модерация, на наш взгляд, тесно связана с дихотомией «свой – чужой» в том смысле, что охватывает часть параметров «чужого» и часть «своего» мира. Она помещает англоязычную языковую личность в пространство между этими двумя мирами, отвергая любую категоричную оценку. Процесс остраненности выливается в акт номинации, то есть остранение наречением. Язык выработал средства создания такой остраненности картины мира: денотаты и референты в «чужом» мире не имеют четко очерченных границ. Таким образом, один из параметров «чужого» – недискретность манифестируется модераторами-аппроксиматорами. Включая в себя деление на «свой» и «чужой», модерация выражает не простой выбор между двумя мирами, а является точкой зрения более высокого уровня, имеющей пострефлекторный характер, то есть является, по сути, точкой зрения на точку зрения, так называемая метаоценка. Модерация как механизм перекрещивания миров позволяет имплицитно вуалировать границу «свое-чужое» путем гипотетической инверсии полюсов (императив «Тот со мной, кто сам по себе»).

Модерация, представляя собой определенную антропогенную позицию, выявляется не только в семантике, но и пронизывает синтактику и прагматику. При интерпретации мира она предстает как особого рода точка зрения в рамках той или иной модели реальности. Углубление в проблему привело к вскрытию ряда смежных с модерацией явлений и понятий, обозначаемых такими терминами как *приблизительная номинация* / *аппроксимация*, *недооценка (understatement)*, *снятие шока (shock-absorber)*, *деинтенсификация*, *даун-тонинг*.

Для модерации, на наш взгляд, существенны два типа контекстуальных периферий. Один из них является антропогенным, универсальным (общечеловеческим), другой – идиоэтничным, социокультурным, который пропущен сквозь «призму» ментальности данной культурно-языковой общности. Естественно, что и первый, и второй тип контекста формирует некую «картину мира».

При интерпретации мира решающую роль играет такой антропогенный фактор, как приблизительная номинация / аппроксимация [9]. Дело в том, что знания не вливаются в наше сознание путем прямой непосредственной интериоризации внешних событий и фактов. Свои знания люди добывают в активном процессе познания окружающей действительности, обусловленной их практической деятельностью. Этот процесс имеет сложную внутреннюю структуру, дающую возможность отрыва от действительности. «*Познание,* как отмечал С.Д.Кацнельсон, *есть процесс приблизительного и неполного отражения объекта, в котором всегда таится опасность огрубления и омертвления живой действительности».*

Так как знания языка дискретны, номинативное противоречие между этим свойством и недискретностью денотативов компенсируется введением номинационно-аппроксимирующего квантора. Например, *That dog is a* ***little*** *brute with strangers, sir.* (Jh. Galsworthy. A Modern Comedy – P. 10) Именно в таком контекстуальном проявлении модерация вполне адекватно терминологически предстает как «аппроксимация». «*Правда*, как заметил в одном из своих афоризмов Оскар Уайльд, *редко бывает чистой и никогда – простой*», а Г.Г.Мунро добавил, что *«немного неточности иногда освобождает от целой кучи объяснений»*. Таким образом, «точность неточности» и «адекватность через приближенность» – ярко выраженное проявление антропогенной природы модерации.

Другим общечеловеческим фактором модерации является риторика хезитации, которая воздействует сильнее, чем «лобовая атака». Б.Найзер по этому поводу заметил, что *«можно поверить любой чепухе, если ее прошепчут вам на ухо»*. В этой шутке отчетливо просматривается связь модерации с регулятивной функцией полушарий мозга, подавляющих сверхмощные и усиливающие слабые сигналы. Например, системные средства литоты и мейозиса, как известно, используются для именования сильных эмоций и чувств. *He was* ***not a little*** *perplexed to see that his host was embarrassed. He faltered. He talked of trivial things. At last he blurted out.* (W.S.Maugham. The Fall of Edward Barnard – P. 173) Модерация позволяет как бы «сбалансировать» оценочные «перепады» дискурса. Именно в таком своем контексте модерация выдвигает сему «рессорности» или «снятие шока».

Еще одним универсальным контекстом модерации является социолингвистика речевого поведения. Хотя речевой этикет во многом идиоэтничен, его базовый принцип все же общечеловечен вне зависимости от того, какова точка зрения того или иного этноса.

Идиоэтнический и социокультурный контексты модерации представляют в английском языке спорную проблему. С одной стороны, большинство исследователей сходятся на мысли, что источник этой категории глубоко этничен и сводится к поведенческой фигуре “stiff upper lip”. Говоря о классической недооценке (understatement) в английской речевой культуре, нельзя не привести пример образа джентльмена из романа Гордон “Doctor on Toast”, основная черта которого – stiff upper lip – непоколебимое спокойствие в самой отчаянной ситуации перед лицом любой опасности, а также безупречная изысканность манер. *While he was writing his biography of Prince Philip he was given a room in the palace to work, and leaving it one day he accosted Sir Michael Odeane, the principal Private Secretary, walking towards the front of the building. Odeane listened sympathetically to a problem troubling him until the writer got the impression, faint as an echo, that he would like to be moving on. It was another minute or two before he said: “****I do hope you'll forgive me, but I've just heard that my house is on fire. I wouldn't mind, but it's a part of St. James's Palace …****”* Дж.Болл, один из пионеров изучения «недооценки», утверждает, что и «переоценка» также является типичным явлением для речевого поведения англоязычной языковой личности. Но дело в том, что она вызывает больше интереса как островная экзотика на фоне последней как континентальной нормы. Цитируем: *“Understatement belongs to casual conversation and the phrases employed express nothing more perhaps than that placid unemotional view of things which is characteristically British”.* [10].

Дж.Реньер согласен с Дж.Боллом в этом отношении, но добавляет, что как «переоценка», так и «недооценка» – прототипичные атропогенные черты, вызванные желанием уйти от истины, которая зачастую «вселяет ужас». Однако британец и житель континента «бегут от правды» в противоположных направлениях. «Недооценка» же проявляет большее уважение к истине [11]. С другой стороны, полемизируя с Дж.Боллом, И.В.Гюббенет подчеркивает, что «недооценка», как и «переоценка» носят в большей степени социолингвистический, нежели этнокультурный характер, и пытается доказать это методом реакции на ситуацию [12].

На наш взгляд, истина должна быть где-то на компромиссной почве. «Недооценка» как семантический инвариант модерации играла и продолжает играть совершенно особую роль в англоязычном речевом поведении, представляя собой социолингвистическую проблему, в основе которой лежит как идиоэтнический, так и прагматический фактор. Так, многочисленными являются примеры следующего типа.

- *He is just* ***grea****t.*
- *He is* ***rather****. (Jh. Galsworthy. A Modern Comedy. – P. 11)*

В данном примере категория модерации порождается как прагматической, так и социолингвистической средой. Отражая особенности речевой деятельности, связанные с предрасположенностью речевого поведения англоязыковой речевой личности и ее ментальности к сдержанности оценок, оценка в данной ситуации может рассматриваться как преднамеренный отказ говорящего от категоричной оценки, т. е. выражается своего рода точка зрения на точку зрения. Интерпретация мира (по терминологии О.Г.Почепцова «речеязыковая ментальность») подчиняется принципу «пиков», т.е. информационной неполноты, селективности и неравнозначности семиологических ценностей отдельных фрагментов предметного континуума для построения целостной, но субъективно модифицированной картины мира.

Таким образом, модерация соотносится с оценочной модальностью, поскольку она по существу есть проявление субъективизма. Модерация соотносится с соответствующей ей суперкатегории оценки в целом, являясь метаоценкой, при этом образуя иерархичные подсистемы как оппозитивного характера, типа модерация – немодерация, которая представлена категорией интенсивности, так и неопозитивного характера, типа модерация – градуальность проявления признака. С концептуальной точки зрения модерация противостоит русскоязычной категории «чуждости», которая основана на жестком противопоставлении двух миров «свой-чужой», в то время как модерация является остранением от «своего» и «чужого».

Слияние антропогенных элементов модерации с семантикой, синтактикой и прагматикой способствует обоснованию ее самостоятельного категориального статуса и является сильным критерием ее грамматизации в современном английском языке.

Модерация – категория глубинная. И как все «скрытые» категории она является антропоцентричной, скажем «точкозрительной». Аномальная проба и системный анализ – это главные стратегии ее «распаковки». Именно через такие стратегии и актуализируется вся система норм «человеческого контекста».

ЛИТЕРАТУРА

1. Байков В.Г. Вариативный статус модерации в современном английском языке // Вариативность в германских языках. – Калинин, 1988. – С. 133-135.
2. Горский Д.П. Краткий словарь по логике. – М.: Просвещение, 1991.
3. Lakoff G. Hedges: a Study of Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. In: Journal of Philosophical Logic. 1973, 2. – P. 458-508.
4. Байков В.Г. Антропоцентризм языка и поэтика точки зрения // Общая стилистика: теоретические и прикладные аспекты. – Калинин, 1990. – С. 4-24.
5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1970.
7. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). – Л., 1981.
8. Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985-1987. – М., 1989. – С. 54-82.
9. Сахно С.Л. Приблизительные номинации современного французского языка. Дис. канд. филол. наук. – М., 1988.
10. Ball W.J. Understatement and Overstatement in English // English Language Teaching. 1970.- Vol. XXIV No.3.
11. Renier G.J. The English: Are they Human? – London: Williams and Norgate Ltd., 1931.
12. Гюббенет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале) – М.: МГУ, 1981.